

Я чувствъ своихъ не измѣнилъ...
 Любовь, сокрывшись въ сердцѣ дикомъ,
 Въ одиѣхъ лишь крайностяхъ горитъ
 И вѣчно [тщетно рокъ свирѣпый
 Возсталъ] меня не охладитъ,
 И тѣнь минувшаго бѣжитъ
 Понынѣ всюду за Мазепою...

Б о й.

Сыны небесъ однажды надо мною
 Слетѣлися: воздушныхъ два бойца,
 Одинъ — серебряной обвѣшанъ бахромою,
 Другой — въ одеждѣ чернеца.
 И видя злость противника второго,
 Я пожалѣлъ о воинѣ младомъ.
 Вдругъ поднялъ онъ концы сребристаго по-
 И я подъ нимъ замѣтилъ — громъ. [крова,
 И кони ихъ ударились крылами,
 И ярко брызнулъ изъ ноздрей огонь;
 Но вихорь отступилъ передъ громами,
 И палъ на землю черный конь.

Т р о с т н и к ъ.

Сидѣлъ рыбакъ веселый
 На берегу рѣки,
 И передъ нимъ по вѣтру
 Качались тростники.
 Сухой тростникъ онъ срѣзалъ,
 И скважины проткнулъ,
 Одинъ конецъ зажалъ онъ,
 Въ другой конецъ подулъ.
 И будто оживленный,
 Тростникъ заговорилъ —
 То голосъ человѣка
 И голосъ вѣтра былъ.
 И пѣлъ тростникъ печально:
 «Оставь, оставь меня!
 Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
 Терзаешь ты меня!
 И я была дѣвицей,
 Красавица была,
 У мачехи въ темницѣ
 Я нѣкогда цвѣла,
 И много слезъ горючихъ
 Невинно я лила,
 И раннюю могилу
 Безбожно я звала.
 И былъ сыночекъ любимецъ
 У мачехи моей:
 Обманывалъ красавицъ,
 Пугалъ честныхъ людей.
 И разъ пошла подъ вечеръ
 Мы на берегъ крутой —
 Смотрѣть на сини волны,
 На западъ золотой.
 Моей любви просилъ онъ —
 Любить я не могла,

И деньги мнѣ дарилъ онъ —
 Я денегъ не брала;
 Несчастную сгубилъ онъ
 Ударомъ въ грудь ножемъ,
 И здѣсь мой трупъ зарылъ онъ
 На берегу крутомъ.
 И надъ моей могилой
 Взошелъ тростникъ большой,
 И въ немъ живутъ печали
 Души моей молодой.
 Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
 Оставь же свой тростникъ.
 Ты мнѣ помочь не въ силахъ,
 А плакать не привыкъ!»

Т о л ѣ.

Безумецъ я! вы правы, правы:
 Смѣшно безсмертье на земли!
 Какъ смѣлъ желать я громкой славы,
 Когда вы счастливы въ пыли?
 Какъ могъ я цѣпь предубѣждений
 Умомъ свободнымъ потрясать.
 И пламень тайныхъ угрызений
 За жаръ поэзіи принять!
 Нѣтъ, не похожъ я на поэта!
 Я обманулся, вижу самъ;
 Пускай, какъ онъ, я чуждъ для свѣта,
 Но чуждъ за то и небесамъ!
 Мои слова печальны, знаю,
 Но смысла ихъ вамъ не понять.
 Я ихъ отъ сердца отрываю,
 Чтобъ муки съ ними оторвать!
 Нѣтъ... мнѣ ли властвовать умами,
 Всю жизнь на то употребя?
 Пускай возвышусь я надъ вами,
 Но удалюсь ли отъ себя,
 И позабуду ль самовластно
 Мою погибающую любовь,
 Все то, чему я вѣрилъ страстно,
 Чему не смѣю вѣрить вновь?...

К ѣ.

Мой другъ, напрасное старанье!
 Скрывалъ ли я свои мечты?
 Обыкновенный звукъ, названье —
 Вотъ все, чего не знаешь ты.
 Пусть въ этомъ имени хранится,
 Быть можетъ, цѣлый міръ любви...
 Но мнѣ ль надеждами дѣлиться?
 Надежды... О! онѣ мои,
 Мои — онѣ святое царство
 Души задумчивой моей...
 Ни страхъ, ни ласки, ни коварство,
 Ни горькій смѣхъ, ни плачъ людей —
 Дай мнѣ сокровища вселенной —
 Ужъ никогда не долетятъ
 Въ тотъ уголокъ сердца отдаленный,
 Куда запряталъ я мой кладъ.
 Какъ помню, счастье прежде жило,